

УДК 13:316.74

DOI: 10.34670/AR.2023.54.43.025

**Образ буддизма в ментальности русского населения Забайкалья:
исторический контекст****Жуков Артем Вадимович**

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александро-Заводская, 30;
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Социология и культурология»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5;
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Аннотация

Исторический анализ освоения русскими территории Забайкалья позволяет проследить конструирование единого русско-бурятского ментального комплекса, основной функцией которого определяется функция социокультурного гомеостаза, обеспечивающая многовековое мирное сосуществование бурят и русских в Забайкалье. Доказано, что оформление ментальности русских, поселившихся в Забайкалье, осуществлялось в процессе взаимодействия массового сознания бурят-буддистов и русских-христиан; выявлены и охарактеризованы закономерности формирования образа буддизма в ментальности русских под влиянием социально-политической конъюнктуры в Российском государстве в целом и в Забайкальском регионе, в частности. Новизна исследования состоит в выявлении исторических стадий трансформации образа буддизма в ментальности русского населения Забайкалья; в доказательстве положения о том, что динамика образа буддизма в массовом сознании русских Забайкалья представляет процесс постепенного перехода от восприятия буддизма как «Чужой» религии, олицетворяющей косность культуры населения колонизируемых территорий, к образу «Полезной» религии бурят, помогающей в трудных жизненных ситуациях любому обратившемуся, и наконец, к образу «Своей», российской религии, являющейся оплотом традиционных ценностей и культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Жуков А.В., Гаврилова Ю.В. Образ буддизма в ментальности русского населения Забайкалья: исторический контекст // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 264-274. DOI: 10.34670/AR.2023.54.43.025

Ключевые слова

Буддизм, образ буддизма, ментальность, массовое сознание, трансформация, рецепция, буряты, русские.

Введение

В XVI – XVII вв. в ходе открытия и освоения русскими первопроходцами территорий, расположенных к востоку от озера Байкал, начался многовековой процесс интеграции двух социокультурных систем – Западной (пришлые славяне) и Восточной (буряты). Русским оседлым земледельцам, пришедшим в Забайкалье, удалось безболезненно включиться в систему хозяйственной деятельности бурят-кочевников – искусных охотников и опытных скотоводов. В свою очередь буряты все большее значение стали придавать возделыванию земель. В результате совместное ведение хозяйственной деятельности на протяжении нескольких поколений способствовало оформлению прочных экономических связей русских и бурят. Укреплялись не только экономические связи двух народов, но и заключались межэтнические браки, формировалась межпоколенная преемственность традиций, совместно решались политические проблемы региона. Прочное единство русских и бурят в Забайкалье также обусловлено наличием «общего» ментального комплекса, который включает совокупность схожих ценностей, жизненных принципов, ориентиров, идеалов, определяющих устойчивые модели поведения в различных социальных средах. Благодаря функционированию забайкальского русско-бурятского ментального комплекса в регионе не зафиксирована межнациональная рознь и отвержение «чужой» культуры. Факторами конструирования ментального комплекса населения Забайкалья следует назвать суровый климат, геополитическое пространство региона и связанные с этим риски, трансграничную социокультурную специфику. Большую роль в оформлении ментальности русских и бурят сыграл религиозный фактор. Буряты, приверженцы шаманизма и буддизма, толерантно восприняли религиозные традиции русских христиан, поселившихся на их территориях. Русские уважали религиозные обряды и праздники бурят, с интересом наблюдая камлания шаманов и проведение буддийских хуралов. Однако проблему представляет то, что в течение долгого времени русские воспринимали шаманизм и буддизм в образе чужой культуры, соотнося их с отсталостью и косностью аборигенов. Шаманизм остался весьма специфичной системой верований в восприятии русских, во многом не понятной, загадочной. В то время как длительный процесс взаимодействия с бурятами, исповедующими буддизм, показал русским безопасность и полезность буддизма. Процесс формирования забайкальского русско-бурятского ментального комплекса был не простым, характеризовался синкретичностью и мифотворчеством. Поэтому, исследование механизмов влияния буддизма на трансформацию ментальности русского населения Забайкалья представляет важный и не до конца исследованный вопрос. Актуальность исследования определяется также тем, что в современных условиях буддизм становится одной из опор традиционной культуры России в целом, а взаимодействия разных социально-экономических укладов, брачно-семейных отношений, традиций, менталитета двух народностей не прекращаются до настоящего времени, цементируя экономическое, культурное и гражданское единство населения Забайкальского края.

Основная часть

Анализу роли буддизма в конструировании забайкальского русско-бурятского ментального комплекса посвящено много работ отечественных исследователей, представляющих разные научные направления. В контексте культурологического знания данную проблему исследуют М.И. Гомбоева, М.Н. Фомина, Т.В. Бернюкевич; в направлении философии религии и религиоведения роль буддизма в трансформациях ментальности анализирует А.В. Жуков; социально философский ракурс анализа ментальных комплексов, в том числе религиозно-синкретического характера представлен трудами Н.Н. Губанова и Ю.В. Гавриловой.

Исследования процесса распространения буддизма среди русского населения Забайкалья проводились Д.Д. Амоголоновой, Л.Л. Абаевой, Н.Л. Жуковской [Амоголонова, 2008; Абаева, Жуковская, 1983]. Вопросам взаимодействия буддизма, добуддийских верований и христианства в Забайкалье посвящены труды Т.В. Бернюкевич, М.Н. Фоминой, Н.Н. Константиновой, А.О. Барина [Барин, Фомина, Константинова, 2000; Бернюкевич, 2017, 2016]. Глубокий анализ мироустройства бурят Забайкалья проведен в работах М.И. Гомбоевой [Гомбоева, 2010, 2014]. Исследователи отмечают особенность культурного взаимодействия русских и бурят, проживающих на территории Забайкалья – синкретизацию народных верований и традиционных религий [Гаврилова, 2018]. Специфика религиозного синкретизма буддизма и христианства подробно исследована Т.В. Бернюкевич, Ю.В. Гавриловой [Бернюкевич, 2016; Гаврилова, 2018]. Анализу религиозного синкретизма на уровне массового сознания русских и бурят всего Байкальского региона посвящены работы А.В. Жукова [Zhukov, Zhukova, 2016; Kononov, Zhukov, 2020]. Ментальные комплексы, сформированные в контексте религиозного фактора, подробно освещаются Н.Н. Губановым и Ю.В. Гавриловой [Гаврилова, 2018; Губанов, 2017, 2014]. Влияние социо-политической конъюнктуры на развитие буддизма в России рассмотрено А.В. Горбатовым, Т.В. Житеневым, Г.Н. Заятуевым [Горбатов, 2009; Житенев, 2011; Заятуев, 1992]. Однако процесс трансформации образа буддизма в сознании русских Забайкалья требует проведения дополнительного анализа. В связи с этим, целью исследования является поиск закономерностей в процессе взаимодействия буддизма и массового сознания русских, способствующих формированию единого ментального комплекса населения Забайкалья.

Теоретическая основа исследования представлена концептуальными положениями теории социальной природы религиозного сознания М. Вебера и Э. Дюркгейма [Вебер, 1985; Дюркгейм, 1990], теории диалога культур М. Бубера, В.С. Библера, М.М. Бахтина [Бахтин, 1975; Библер, 1975; Бубер, 1993], теории рецепции буддизма в небуддийских обществах Н.И. Конрада и Е.С. Сафроновой [Конрад, 1966; Сафронова, 1999], а также социокультурной концепции менталитета Н.Н. Губанова [Губанов, 2017, 2014]. В исследовании использованы компаративистский анализ и диалектический методы, позволяющие проследить стадии трансформации буддизма в сознании русских Забайкалья. В исследовании применялись методы типологизации, реконструкции, наблюдения, описание, а также феноменологический метод, позволяющие концептуализировать буддийские образы в сознании русских.

Результаты исследования и их обсуждение

Трансформация образа буддизма в массовом сознании русского населения Забайкалья представляет процесс постепенного перехода от восприятия буддизма как «Чужой» религии, олицетворяющей косность культуры населения колонизируемых территорий, к образу

«Полезной» религии, помогающей в трудных жизненных ситуациях любому обратившемуся, и наконец, к образу «Своей» российской религии, являющейся оплотом традиционных ценностей и культуры. Однако большинство современных русских, обращаясь к буддизму, как традиционной религии, не спешат принимать на себя буддийские обеты. Для них буддизм продолжает выступать скорее в образе полезного инструмента, способствующего лучшей адаптации к стремительно меняющимся условиям выживания. Тем не менее, создаваемый таким отношением социальный контекст является благоприятной базой для появления людей, которые в будущем будут в большей степени заинтересованы принятием ценностей философии и вероучения буддийской религии.

Первые сведения о контактах русских с буддизмом относятся к началу XVII в., когда Россия расширила свои границы на восток и приблизилась к владениям ханов Монголии, куда были отправлены первые посольства. Согласно рассказам послов, они были поражены спецификой обрядовой жизни, яркостью образов и красочностью нехристианской религии. Однако религиозные службы буддистов у них вызывали суеверный страх, образы божеств они воспринимали за «вызолоченных болванов», отсюда название – кумирницы. Почитание Далай-ламы как Бога связывалось с идолопоклонством [Амоголонова, 2008, 38].

К середине XVII в. российские казачьи отряды вышли к рубежам Забайкалья, где столкнулись с бурятами-буддистами, религия которых воспринималась ими как аборигенная вера и именовалась ламаизмом. Первоначально, казаки писали о «войлочных мечетях», где молятся «болванам серебряным». В этот период в сознании русских буддизм еще не отделялся от шаманизма; казаки считали буддизм религией глупостью автохтонного населения. Со временем, в результате интенсификации интеграционных процессов русских и бурят это отношение менялось, приводило к углублению знаний о буддизме. Во многом этому способствовали процессы сращивания тибетской буддийской традиции (ламаизма) и этнической культуры бурят (добуддийских верований), элита которых стремилась к реализации программы, нацеленной на слияние с российской системой управления. С другой стороны, фактором изменения образа буддизма в сознании русских была политика царского правительства, которое не пыталось насильственно насаждать православие среди бурят, и признавало их право на собственное вероисповедание [Михайлова, 1999, 39].

К 20-м годам XVIII в. буддизм становится неотъемлемым элементом всей социокультурной жизни бурят Забайкалья, что стало фактором, интенсифицирующим проникновение буддийских идей так же в сознание русского населения [Вебер, 1985, 140]. Вступив во взаимодействие с буддизмом, русские перенимали различные элементы духовной и материальной культуры. Элементы буддизма воспринимались русскими на основании наблюдения за опытом традиционной культуры взаимодействия бурят и окружающей природы [Затеев, 2002, 87]. Большое значение имела вера в силу «бурятской ворожбы», которая могла излечить от любых болезней. «Ламское отчитывание» (молебен) применялось как инструмент лечения людей и скота, приведения в порядок хозяйства, ремесла. К ламам обращались за советом в сложных жизненных ситуациях. Широко применялись средства буддийской медицины, что сопровождалось культом природных мест и священных источников [Осокин, 1906, 109]. Широко распространился культ синкретических горных святилищ, где ламаисты вместе с шаманистами и православными могли принести камень, повязать цветные ленточки на деревья, посетить небольшие часовенки, зажигая свечи православным святым. Такие обряды сохранились в буддизме на территории Забайкальского края до настоящего времени. Таким

образом, постепенно буддизм, несмотря на восприятие его в качестве «Чужой» религии, стал восприниматься, как полезная религия, нацеленная на сотрудничество [Zhukov, Zhukova, 2016].

В конце XIX в. данные том, что ламаизм противопоставляется русскими шаманизму, как первобытному суеверию, были зафиксированы комиссией Куломзина, обратившей внимание на развитие мирного, толерантного взаимодействия между буддийской конфессией и российским населением. В это же время и сам буддизм делал большие шаги в направлении принятия русской культуры и российского социума в качестве своего конфессионального пространства. В частности, в тексте молитвы хамбо-ламы Д.Г. Гомбоева Россия упоминается в качестве родного отечества, а царь в качестве друга верующих, судьбой которого является лучшее перерождение [Житенев, 2011, 192].

В XX веке особенности рецепции буддийских идей русским населением на территории всего государства проходили под преимущественным влиянием социально-политических потрясений, имевших общероссийский масштаб. Не было исключением и Забайкалье, где представления о буддизме оказались подчиненными государственной идеологии, несколько раз менявшей свое содержание. Первым фактором, повлиявшим на трансформацию образа буддизма в сознании русского населения Забайкалья, оказалась реформа, проведенные российским правительством в начале XX в., сформировавшая юридическую основу, благодаря которой буддизм стал восприниматься в качестве равноправной с другими религии России [Бураева, 2005, 148]. Другим фактором стала трансформация внутри самой конфессии, которая испытала влияние обновленчества, проявившееся в том, что прогрессивная часть бурятской интеллигенции направляла свои усилия на то, что буддизм приобрел облик прогрессивной силы, выступающей за освобождение и последующее свободное развитие бурятского народа в рамках «культурной автономии». Обновленцы представили российскому обществу проект, где буддизм выступал в образе свободной от религиозных оков философии, способствующей развитию личности, ориентированной на идеалы модернизации и демократизации [Абаева, Жуковская, 1983, 129]. Именно так воспринимали буддизм граждане советской России в начале 20-х гг. XX в., когда образ этой конфессии связывался с борьбой, которую вел угнетенный бурятский народ против феодальной верхушки, архаического шаманизма и государственного православия. Однако к началу 30-х гг. XX в. ситуация изменилась, так как государство поставило буддизм в один ряд с представителями иных религий, считавшихся инструментом подчинения и эксплуатации народа в руках господствующего класса. На положение буддизма в это время оказывал влияние негативный образ панмонголизма, задачей которого считалось отделение бурятского народа от советского государства [Заятуев, 1992, 143]. Тогда советское население ассоциировало буддизм с влиянием нойонов и лам, пытавшихся сохранить феодализм за счет средневековой теократии. Очищение же общества монголоязычных народов от пут феодальной теократической верхушки должно было привести их на путь социалистического строительства. Последующая трансформация образа буддизма произошла в первые годы Великой Отечественной Войны, когда сталинское правительство изменило идеологический контекст в отношении традиционных религий и обратилось к ним за помощью. Тогда буддизм направил свои усилия на организацию помощи Советскому Союзу, что способствовало укреплению образа государства, как среди населения, так и на международной арене. Со своей стороны, население Забайкалья, также, как и население всей страны, начинало более терпимо относиться к буддийской конфессии и ее репрессированным представителям, возвращающимися из мест заключения [Горбатов, 2009, 142].

В дальнейшем образ буддизма в глазах населения страны продолжал трансформироваться, подвергаясь влиянию политической конъюнктуры. 60-70-е гг. XX в. ознаменовались новым усилением политики атеизации, следствием которой стало повторное закрытие дацанов и преследования буддийских священнослужителей. Однако в отличие от преследований 30-х гг. это время уже не сопровождалось распространением негативных образов буддизма, напротив, рос интерес к буддийской вере и философии [Житенев, 2011, 203]. В городе Чита, административном центре Забайкалья, также, как и в других городах страны, появились группы русских интеллигентов, стремившихся соприкоснуться с восточной мудростью. Русские тогда специально приезжали в Забайкалье, чтобы учиться у буддийских лам, таких как Ж.-Ж. Цыбенков, Д. Доди, М. Цыбиков, Ж.-Ж. Эрдынеев [Пореш, 2002, 400]. Большинство из них не принимало полных обетов буддийского священства, рассматривая буддийские идеи в качестве основания для личного духовного поиска. В дальнейшем это привело к распространению различных направлений духовного поиска, в которых буддизм выступал в смешанных формах с другими восточными учениями. В частности, большую популярность приобрело так называемое «Рериховское движение» и «Агни Йога», синтезирующие отдельные идеи буддизма с индуистским наследием, но ориентирующиеся на духовные запросы граждан Советского Союза второй половины XX в. Результатом стало широкое распространение восточных традиций и более широкое знакомство русского населения с буддийской концепцией.

Наиболее существенную трансформацию образ буддизма в сознании русских получил, начиная с 90-х гг. XX в., когда в Российской Федерации начался период религиозного бума и буддизм, также, как и многие другие религиозные объединения, стал восприниматься как традиционная российская религия. В Забайкалье началось активное восстановление буддийских дацанов и строительство новых культовых и образовательных сооружений этой конфессии. Буддизм вступил в активное взаимодействие со всеми социальными и этническими группами Забайкалья, что способствовало активному распространению буддийских идей среди русских [Баринков, Фомина, Константинова, 2000, 220]. Наиболее существенным фактором этого процесса стала деятельность дацанов, выступающих не только как центры религии, но и в качестве культурных и оздоровительных центров, представляющих свою помощь всем слоям населения. Большое количество русских приходят в буддийские центры за практической помощью, к которой относятся консультации в отношении решения семейных неурядиц, заболеваний, финансовых и других проблем, связанных с жизнеобеспечением [Kononov, Zhukov, 2020]. Широкому распространению позитивного образа буддизма способствует развитие социальной политики сангхи. Буддийские священнослужители активно распространяют молитвенные и культовые практики, пользуясь современными средствами масс-медиа и PR-кампаний. В частности, они предлагают широкое участие населения в таких уникальных церемониях, как проведение обрядов воссоздания мандалы и «Огненный Пуджа». Яркое зрелище, специфические услуги, оказываемые буддийскими астрологами и лекарями, использующими средства тибетской медицины, привлекают внимание тысяч посетителей, среди которых русские занимают значительное место.

В последние годы существенную роль в создании и закреплении позитивного образа буддизма в сознании русских начинает играть диалог, которой конфессия проводит с российским образованием и наукой. Основанием для этого процесса является постулат, указывающий на открытость буддизма для научных идей, поиска и методологии [Амоголонова, 2008, 38]. Современные буддисты охотно принимают у себя ученых, проводят научно-

практические конференции, ведут активную образовательную политику.

Применяя средства, которые предоставляет интернет, буддийские учителя предлагают образовательные программы, нацеленные на ликвидацию духовной неграмотности, разъясняя смысл буддийского вероучения, обрядов и праздников. Образ буддизма проецируется современными средствами художественного творчества, которые представляют не только взрослой, но и детской аудитории многочисленные проекты выставок скульптур и картин, а также театральных постановок [Zhukov, Zhukova, 2016]. Это способствует появлению большого количества научных и популярных публикаций, в которых буддийское учение и практика преподносятся максимально простым и понятным современному читателю языком. На уровне массового сознания региона формируется позитивный образ буддизма, как традиционной российской конфессии, однако это нельзя считать основанием для утверждения о массовом переходе русских в лоно буддийской сангхи [Сафронова, 1999].

Сегодня широко открыта внешняя сторона, в рамках которой большое количество русских участвуют в популярных праздниках, увлекаются атрибутикой, оздоровительными буддийскими практиками, носят амулеты, четки. Однако на деле, несмотря на расширение взаимодействия между буддийской конфессией и русским населением, только единицы русских берут на себя буддийские обеты, что несоизмеримо с количеством тех, кто принимал участие в массовых церемониях или получил консультацию у врача или астролога. Несколько большее количество участвуют в проведении хуралов и молебнов. Многие интересуются идеями буддизма, а также принимают и осваивают их, практикуя индивидуальный уровень религиозности [Гаврилова, 2018]. Поэтому их религиозные убеждения чаще всего скрыты. Эти люди, испытывая интерес к буддийским идеям, могут осуществлять духовный поиск в объединениях синкретической направленности, таких как «Карма Кагью», «Эниология», различные восточные единоборства. Большинство предпочитает использовать буддизм в качестве подспорья для решения практических жизненных проблем, нежели в качестве учения. В то же время, ситуация вокруг современного буддизма в Забайкалье отличается крайней благоприятностью, что обеспечивает ему комфортную социальную среду, потенциально открывающую истины буддизма тем, кто может принять их на более продвинутом уровне.

Заключение

В целом важно отметить, что образ буддизма в ментальности русских Забайкалья пережил процесс трансформации от образа «Чужой» религии через стадию «Полезной» до стадии «Традиционной» российской религии. При этом среди современного русского населения можно выделить несколько групп, взаимодействующих с буддизмом и объединенных отношением к нему исключительно как к российской традиционной религии. Вместе с этим, характеризуясь различной степенью взаимодействия с сангхой и погружения в доктрину, они формируют различные представления о буддизме, которые затем транслируют в массы. Если для большинства эта религия представлена в образе полезного инструмента, способствующего нормализации жизнедеятельности, и создающего дополнительные перспективы для духовного поиска, то для последователей сангхи он представляет истинный путь к просветлению. Причиной данного различия является многообразие путей взаимодействия между буддизмом и российским обществом, в процессе которого первоначальные различия между ними утрачивают свою жесткость, а партнерские отношения ведут к формированию терпимости, а затем и принятия друг друга как «своего». Следствием постепенного принятия буддизма русским

населением является возникновение и распространение такого феномена, как «русский буддизм», что обеспечивает данной конфессии толерантную социальную обстановку в российском обществе и указывает на дальнейшую перспективу трансформации его образа в сознании русского населения Забайкалья.

Библиография

1. Абаева Л.Л., Жуковская Н.Л. Традиция и модернизация в истории ламаизма // Религии мира: история и современность. М.: Наука, 1983. С. 129-150.
2. Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ, 2008. 292 с.
3. Баринов А.О., Фомина М.Н., Константинова Н.Н. Религии // Энциклопедия Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2000. С. 220-222.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
5. Бернюкевич Т.В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 3. С. 55-59.
6. Бернюкевич Т.В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11. № 3. С. 56-61.
7. Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975. 398 с.
8. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 173 с.
9. Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. Улан-Удэ, 2005. 212 с.
10. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985. 310 с.
11. Гаврилова Ю.В. К вопросу о синкретизме буддизма и его распространении в России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 2А. С. 155-162.
12. Гаврилова Ю.В. Современный религиозный синкретизм: факторный анализ трансформации религиозного сознания. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. 238 с.
13. Гомбоева М.И. Естественные основания и социокультурные санкции традиционных магико-ритуальных практик агинских бурят // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2010. № 1. С. 91-106.
14. Гомбоева М.И. Типы культурной идентичности малых этнических групп в условиях ассимиляции // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 85-94.
15. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль менталитета в развитии общества: социокультурная гипотеза // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 38-51.
16. Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Этносоциум, 2014. 214 с.
17. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 49 с.
18. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. 572 с.
19. Житенев Т.В. Буддизм в России: вехи истории // Вестник Волжского университета. 2011. № 7. С. 192-203.
20. Затеев В.И. (ред.) Русские в Бурятии: история и современность. Улан-Удэ: БГУ, 2002. 578 с.
21. Заятуев Г.Н. Цанид-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1992. С. 41- 43.
22. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 519 с.
23. Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. 173 с.
24. Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. 304 с.
25. Пореш В. Русский буддизм – как это возможно? // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М., СПб.: Летний сад, 2002. 488 с.
26. Сафронова Е.С. Буддизм в странах Запада и России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 493 с.
27. Zhukov A.V., Zhukova A.A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Culture» Images in China // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321-1330.
28. Kononov S.V., Zhukov A.V. The Philosophy of Security the Globalizing Culture System // Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları. 2020. № 9. С. 415-422.

The image of Buddhism in the mentality of the Russian population of Transbaikalia Region: historical context

Artem V. Zhukov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Transbaikalia State University,
672039, 30, Aleksandro-Zavodskaya str., Chita, Russian Federation;
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Yuliya V. Gavrilova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies,
Bauman Moscow State Technical University,
105005, 1, 5, Vtoraya Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Abstract

Russian historical analysis of the development of the territory of Transbaikalia allows us to trace the construction of a single Russian-Buryat mental complex, the main function of which is determined by the function of socio-cultural homeostasis, which ensures centuries-old peaceful coexistence of Buryats and Russians in Transbaikalia. Russian Russians who settled in Transbaikalia have been proved to have formed their mentality in the process of interaction between the mass consciousness of Buryat Buddhists and Russian Christians.; the regularities of the formation of the image of Buddhism in the mentality of Russians under the influence of the socio-political conjuncture in the Russian state as a whole and in the Trans-Baikal region in particular are identified and characterized. The novelty of the research consists in identifying the historical stages of transformation of the image of Buddhism in the mentality of the Russian population of Transbaikalia; in proving the position that the dynamics of the image of Buddhism in the mass consciousness of the Russians of Transbaikalia represents the process of gradual transition from the perception of Buddhism as a "Foreign" religion, personifying the stagnation of the culture of the population of the colonized territories, to the image of the "Useful" religion of the Buryats, helping in difficult life situations to anyone who turned, and finally, to the image of "Their own", the Russian religion, which is a stronghold of traditional values and culture.

For citation

Zhukov A.V., Gavrilova Yu.V. (2023) *Obraz buddizma v mental'nosti russkogo naseleniya Zabaikal'ya: istoricheskii kontekst* [The image of Buddhism in the mentality of the Russian population of Transbaikalia Region: historical context]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 264-274. DOI: 10.34670/AR.2023.54.43.025

Keywords

Buddhism, image of Buddhism, mentality, mass consciousness, transformation, reception, Buryats, Russians.

References

1. Abaeva L.L., Zhukovskaya N.L. (1983) Traditsiya i modernizatsiya v istorii lamaizma [Tradition and Modernization in the History of Lamaism]. In: *Religii mira: istoriya i sovremennost'* [Religions of the World: History and Modernity]. Moscow: Nauka Publ.
2. Amogolonova D.D. (2008) *Sovremennaya buryatskaya etnosfera. Diskursy, paradigmy, sotsiokul'turnye praktiki* [Modern Buryat ethnosphere. Discourses, paradigms, sociocultural practices]. Ulan-Ude.
3. Bakhtin M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow.
4. Barinov A.O., Fomina M.N., Konstantinova N.N. (2000) Religii [Religions]. In: *Entsiklopediya Zabaikal'ya* [Encyclopedia of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ.
5. Bernyukevich T.V. (2017) Regional'nye kul'tury v kontekste stanovleniya rossiiskoi kul'tury [Regional cultures in the context of the formation of Russian culture]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Transbaikal State University], 12, 3, pp. 55-59.
6. Bernyukevich T.V. (2016) Retseptsiya buddizma v Rossii i voprosy stanovleniya rossiiskoi kul'tury [The reception of Buddhism in Russia and the formation of Russian culture]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Transbaikal State University], 11, 3, pp. 56-61.
7. Bibler V.S. (1975) *Myshlenie kak tvorchestvo* [Thinking as creativity]. Moscow: Politizdat Publ.
8. Buber M. (1993) *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
9. Buraeva O.V. (2005) *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Baikal'skogo regiona v XVII – nachale XX v.* [Ethno-cultural interaction of the peoples of the Baikal region in the XVII – early XX centuries]. Ulan-Ude.
10. Durkheim E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow.
11. Gavrilova Yu.V. (2018) K voprosu o sinkretizme buddizma i ego rasprostraneni v Rossii [Syncretism and spread of Buddhism in Russia]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (2A), pp. 155-162.
12. Gavrilova Yu.V. (2018) *Sovremennyyi religioznyy sinkretizm: faktornyy analiz transformatsii religioznogo soznaniya* [Contemporary Religious Syncretism: A Factor Analysis of the Transformation of Religious Consciousness]. Chita: ZSU.
13. Gomboeva M.I. (2010) Estestvennye osnovaniya i sotsiokul'turnye sanktsii traditsionnykh magiko-ritual'nykh praktik aginskikh buryat [Natural foundations and socio-cultural sanctions of traditional magic-ritual practices of the Aginsky Buryats]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke* [The problem of the correlation between the natural and the social in society and man], 1, pp. 91-106.
14. Gomboeva M.I. (2014) Tipy kul'turnoi identichnosti mal'nykh etnicheskikh grupp v usloviyakh assimilyatsii [Types of cultural identity of small ethnic groups in the conditions of assimilation]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Transbaikal State University], 4 (57), pp. 85-94.
15. Gorbатов A.V. (2009) *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-1960-e gg. Doct. Dis.* [The State and Religious Organizations of Siberia in the 1940s-1960s. Doct. Dis.]. Kemerovo.
16. Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2017) Rol' mentaliteta v razviti obshchestva: sotsiokul'turnaya gipoteza [The role of mentality in the development of society: a sociocultural hypothesis]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 43, pp. 38-51.
17. Gubanov N.N. (2014) *Formirovanie, razvitie i funktsionirovanie mentaliteta v obshchestve* [Formation, development and functioning of the mentality in society]. Moscow: Etnosotsium Publ.
18. Kononov S.V., Zhukov A.V. (1966) The Philosophy of Security the Globalizing Culture System. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları*, 9, pp. 415-422.
19. Konrad N.I. (1966) *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow: Nauka Publ.
20. Mikhailova V.T. (1999) *Pravoslaviye v dukhovnoi kul'ture buryat (30-e gg. XVII v. – 1917 g.)* [Orthodoxy in the spiritual culture of the Buryats (30s of the 17th century – 1917)]. Ulan-Ude.
21. Osokin G.M. (1906) *Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya* [On the border of Mongolia. Essays and materials for the ethnography of Southwestern Transbaikalia]. St. Petersburg.
22. Poresh V. (2002) Russkii buddizm – kak eto vozmozhno? [Russian Buddhism – how is it possible?]. In: *Religiya i obshchestvo: ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii* [Religion and society: essays on the religious life of modern Russia]. Moscow, St. Petersburg: Letnii sad Publ.
23. Safronova E.S. (1999) *Buddizm v stranakh Zapada i Rossii. Doct. Dis.* [Buddhism in Western countries and Russia. Doct. Dis.]. Moscow.

24. Weber M. (1985) *Raboty M. Vebera po sotsiologii religii i ideologii* [Works of M. Weber on the sociology of religion and ideology]. Moscow.
25. Zateev V.I. (ed.) (2002) *Russkie v Buryatii: istoriya i sovremennost'* [Russians in Buryatia: history and modernity]. Ulan-Ude: BSU.
26. Zayatuev G.N. (1992) *Tsanid-khambo Agvan Dorzhiev* [Tsanid-hambo Agvan Dorzhiev]. Ulan-Ude.
27. Zhitenev T.V. (2011) Buddizm v Rossii: vekhi istorii [Buddhism in Russia: milestones of history]. *Vestnik Volzhskogo universiteta* [Bulletin of the Volga University], 7, pp. 192-203.
28. Zhukov A.V., Zhukova A.A. (2016) Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Culture» Images in China. *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11, 5, pp. 1321-1330.